

Тех, кто знал о паническом страхе Гун Чэня перед иглами, во всем поднебесном мире можно было пересчитать по пальцам одной руки — их было всего трое.

Первым эту тайну разгадал его близкий друг, Кэ Суй.

В тот год, когда Гун Чэню едва исполнилось десять, он скитался по дорогам и подхватил жестокую лихорадку. Мальчишка метался в бреду, исходил жаром и никак не приходил в себя, сколько бы Кэ Суй ни звал его и ни тряс за плечи. Пытаясь спасти угасающую жизнь друга, Кэ Суй решился на отчаянный шаг: стащил у отца бесценное сокровище — Иглу успокоения души. Но стоило ему занести ее над акупунктурной точкой...

Гун Чэнь внезапно распахнул глаза и на редкость серьезно произнес:

— Стой.

Кэ Суй опешил:

— Ты что, пришел в себя?

Гун Чэнь не ответил, завороченно и с ужасом уставившись на тонкое жало иглы.

— Поразительно, — пробормотал Кэ Суй, отворачиваясь, чтобы спрятать иглу в чехол. — Неужто эта игла способна исцелять на расстоянии, даже без прикосновения?

Обернувшись, он обнаружил, что Гун Чэнь снова забылся в глубоком обмороке.

Кэ Суй так и застыл, а затем его осенило:

— Предсмертное прояснение!

Он торопливо выхватил иглу и занес ее для укола...

Гун Чэнь вновь приоткрыл веки:

— Стой.

Кэ Суй лишился дара речи:

—...

Некоторое время он озадаченно молчал. Наконец, решив пойти на хитрость, лекарь принялся левой рукой тыкать пальцами в бесчувственное тело. Гун Чэнь не реагировал. Тогда Кэ Суй, выждав момент, замахнулся правой рукой, намереваясь молниеносно вонзить иглу...

Раздался глухой удар — обезумевший от страха Гун Чэнь наотмашь съездил кулаком прямо по лицу Кэ Суя.

Кэ Суй ошарашенно замер, утирая нос:

—...

Сцена повторилась еще несколько раз. В конце концов изнуренный Гун Чэнь, чьи веки мелко подрагивали, а глаза то и дело закатывались от изнеможения, взмолился дрожащим голосом:

— Маленький божественный лекарь Кэ... умоляю, давай... без иглоукалывания, а?

— Одно из двух: либо ты даешь себя уколоть, либо отправляешься на тот свет. Выбирай, — Кэ Суй вытер кровь из носа чистым лоскутом ткани, а затем, без лишних слов скрутив упряма по рукам и ногам, зажал между пальцами сразу восемь длинных игл. На его лице сияла поистине благодушная забота.

Гун Чэнь ответил ему преисполненным искренности взглядом:

— Я, Гун Чэнь...

—...выбираю умереть.

Вторым человеком, узнавшим об этой слабости, стал его кузен — Дуань Цинь.

Когда Гун Чэню пошел двенадцатый год, их комнаты соседствовали. Однажды ночью Дуань Цинь где-то ввязался в неприятности и вернулся домой с живым напоминанием об этом: его спина напоминала утыканного иглами ежа. Опасаясь родительского гнева и позора, мальчишка побоялся идти к старшим и тишком проскользнул в спальню к Гун Чэню.

Стоило приоткрыть дверь, как в нос ударил густой, умопомрачительно жирный запах запеченной утки с хрустящей корочкой. Гун Чэнь, уловив движение у порога, мгновенно среагировал: не разбирая дороги, запихал за щеки недоеденную утиную ножку.

Дуань Цинь от такой картины аж зубами заскрипел:

— Ну ты и наглец, Гун Чэнь! Лекарь тебе строго-настрого запретил прикасаться к мясному, а

ты тут посреди ночи втихаря жрешь утку! Помереть торопишься?!

— Напротив, спасаю свою бренную жизнь, — невнятно прошамкал Гун Чэнь, отчаянно жуя. — Еще бы немного, и я испустил бы дух от голода. Ик!

Проглотив кусок, он с надеждой прищурился:

— Молодой господин Дуань... не желаете ли отведать?

Дуань Цинь брезгливо покосился на обернутую в грубую бумагу тушку, явно купленную у какого-то уличного торговца:

— Еще чего. Стал бы я есть эту гадость.

— Как знаешь, — легко согласился Гун Чэнь.

Его кузен вспыхнул от злости:

— Ты ведь сейчас с облегчением выдохнул, верно?! Ты изначально не собирался со мной делиться, лицемер!

Гун Чэнь озадаченно моргнул:

—...

— Выходит, твой отказ тоже был не взаправду?

— Самым что ни на есть настоящим! — огрызнулся Дуань Цинь.

Пожав плечами, Гун Чэнь преспокойно вернулся к еде. Дуань Цинь со злостью наблюдал за тем, как быстро исчезает утка.

— Да прекрати ты уже жевать! Иди немедленно вымой руки и помоги мне.

Поспешно затолкав в себя остатки, Гун Чэнь обреченно вздохнул:

— Хоть намекни, что нужно делать-то?

Да тут и объяснять ничего не требовалось — стоило лишь глянуть. Дуань Цинь, несколько не

заботясь о собственном достоинстве перед кузеном, просто развернулся к нему спиной.

Зрелище оказалось впечатляющим: его лопатки и поясница густо, словно спина перепуганного дикобраза, были утыканы тонкими стальными иглами.

Гун Чэнь бросил один-единственный взгляд, резко отвернулся и... его скрутило. Из него хлынуло так, что перед глазами все поплыло.

В итоге всю последующую процедуру он так и провел: выдернет иглу — согнется в позыве, выдернет следующую — снова заходится в рвоте. К тому моменту, как из кожи Дуань Циня вытащили последнее острие, Гун Чэнь дышал через раз, покрывшись холодным липким потом. Осунувшийся и мертвенно-бледный, он походил на восставшего из омута утопленника и выглядел во сто крат хуже своего кузена.

В ту злосчастную ночь спальня насквозь пропиталась удушливой смесью ароматов: аппетитной запеченной утки, той же утки, но уже исторгнутой воспаленным желудком наружу, и едким, застревающим в горле металлическим запахом. С тех пор ни один, ни второй до конца своих дней не могли даже смотреть на утиное мясо.

Третьим же посвященным оказался Сюй Цыань.

В свое время Гун Чэнь закрыл его собственным телом от града отравленных игл.

«Ну и ну, Сюй Цыань! Ах ты, неблагодарная скотина! Хочешь выместить злость — так ударь по лицу, пни пару раз, да хоть ребра переломай! Но колоть меня иглами?! Какой же ты все-таки бездушный и жестокий человек!»

Выпрыгнуть в окно прямо сейчас мешало лишь то, что Сюй Цыань стоял на самом пути к спасительному бегству. Гун Чэнь дернулся было к двери, но ледяной приказ: «Иди сюда», — мгновенно сковал его конечности. Против воли тело одеревенело, развернулось, и несчастный, едва сдерживая рвущуюся наружу панику, послушно побрел обратно к мучителю.

Некоторое время Сюй Цыань хранил молчание, а затем коротко приказал:

— Протяни руку.

Гун Чэнь послушно вытянул вперед мелко дрожащую ладонь.

— Обе.

Он нехотя приподнял и вторую руку, застыв в нелепой позе, точь-в-точь как провинившийся дворовый пес, заставленный служить хозяину.

— Воды, — обратился Сюй Цыань к Цин Ся.

Тот мигом зачерпнул из кадки полный таз, бережно донес его до стола и, устроившись прямо в воздухе, подпер кулаком подбородок и лениво зевнул.

Сюй Цыань извлек из широкого рукава старую нефритовую подвеску и небрежно опустил ее на деревянную столешницу. Цин Ся сонно сощурился, пробормотал едва слышное: «Сладких снов», — и скользнул прямо внутрь камня.

Внимание Гун Чэня на миг переключилось на этот амулет. Узор показался ему до боли знакомым, но, помня о нависшей угрозе, он быстро отогнал лишние мысли.

Сюй Цыань крепко обхватил его за запястья и решительным движением опустил их в воду. Вода оказалась приятно теплой, но Гун Чэнь все равно вздрогнул.

Покосившись вниз, он оглядел собственные руки. Пальцы выглядели плачевно: содранная кожа, запекшаяся кровь, въевшаяся дорожная пыль и налипшая грязь. Ужасающее зрелище.

Сам Гун Чэнь не вынес бы этого вида и пары мгновений, поэтому он поспешно отвел глаза и украдкой взглянул на Сюй Цыаня.

Тот стоял, опустив ресницы, и, казалось, изучал его увечья с предельной сосредоточенностью. От этого пристального внимания Гун Чэнь смущенно подогнул пальцы. Движение вывело Сюй Цыаня из оцепенения, и он наконец зашевелился.

Подушечки его больших пальцев неторопливо скользили по чужим запястьям, ласково омывая каждую фалангу в теплой воде. Он осторожно развернул его ладони вверх, бережно растирая огрубевшую от меча кожу, но при этом аккуратно обходя глубокую рану от сквозного ранения на правой ладони.

Не... просто мыл ему руки.

Ресницы Гун Чэня мелко дрогнули. Поборов смущение, он попытался высвободить ладони, но Сюй Цыань мягко, но настойчиво удержал его:

— Не шевелись.

На этот раз он не прибегал к давящим путам подчинения, однако Гун Чэнь действительно застыл, послушно прекратив сопротивление.

Прозрачная вода быстро темнела, окрашиваясь сукровицей и дорожной пылью, пока таз не наполнила непроглядная муть. Однако даже сквозь эту пелену Гун Чэнь отчетливо чувствовал, как их пальцы мягко соприкасаются на самом дне.

— Гун Чэнь... — Слабое тепло, исходившее от его пальцев, смешалось с остывающей водой. Голос Сюй Цыаня звучал под стать этому ощущению — негромко, без прежней колючей стужи. — Почему в те годы ты наотрез отказался учиться у меня владению мечом?

Не дождавшись ответа, Сюй Цыань молча поднялся и унес таз, чтобы заменить воду на чистую. Этот вопрос казался случайным — возможно, он сорвался с его губ лишь при виде уродливого шрама на месте вырванной кости меча, как запоздалое сожаление о нераскрытом, ныне навеки утраченном таланте. В его тоне не угадывалось ни затаенной обиды, ни прежней горечи.

«Я хотел, — беззвучно кричало все внутри него. — Безумно хотел. Но... мне было нельзя».

Когда он наконец опомнился, его руки уже были бережно вытерты чистым полотенцем. В следующее мгновение Сюй Цыань взял со стола иглу. Лишь теперь Гун Чэнь заметил, что это вовсе не то пугающее серебряное жало, каким пользуются лекари для акупунктуры: у этого острия имелось крохотное ушко с заправленной в него шелковой алой нитью.

Обыкновенная швейная игла.

Но для Гун Чэня не имело значения, для чего предназначалось это острие. Леденящий холод металла, безумный страх перед тем, как острая сталь вонзится в живую плоть — все это вызывало у него одну и ту же панику. Он не удержался и сделал шаг назад.

Сюй Цыань предвидел подобное. Перехватив его руку крепко и надежно, он произнес тоном, не терпящим возражений:

— Раны нужно зашить, так они затянутся куда быстрее.

Зашить? Но как?! Стоило Гун Чэню представить, как тонкое металлическое жало, подобно скользкой змее, станет раз за разом протыкать его живую плоть, протаскивая сквозь нее нить, как у него зашевелились волосы на затылке. Дрожа всем телом, он принялся отчаянно пятиться, увлекая за собой вынужденного шагать следом Сюй Цыаня.

В конце концов Гун Чэнь прижался спиной к холодной стене — бежать было некуда. Сюй Цыань навис над ним, уперев ладонь в стену у самого плеча кузена, и уставился ему прямо в лицо. От его взгляда не укрылся тот дикий, первобытный ужас, что плескался в глазах Гун Чэня.

Помедлив, Сюй Цыань прикрыл глаза.

— Если зашить сейчас, тебе больше не будет так больно. Соберись с духом и перетерпи.

Он вздохнул и добавил совсем тихо:

— Гун Чэнь... Постарайся впредь больше не калечить себя.

Мало-помалу дрожь унялась.

«Надо же, — промелькнуло в мыслях у Гун Чэня. — Оказывается, этот ледяной чурбан тоже умеет говорить ласково».

Сюй Цыань усадил его обратно за стол и склонился над раненой ладонью. Его пальцы, держащие иглу, на миг замерли, но затем уверенно проткнули кожу. Слышался лишь тихий шорох протягиваемой нити — стежок за стежком.

Гун Чэнь на протяжении всей этой процедуры сидел зажмурившись, словно перед ним была не крохотная иголка, а свирепый монстр. Он так и не узнал, что при каждом уколе рука Сюй Цыаня едва заметно вздрагивала, заставляя того на секунду замирать, собираясь с силами для следующего стежка.

— Готово, — когда Сюй Цыань вновь заговорил, его голос звучал по-прежнему ровно и отстраненно. С абсолютно бесстрастным лицом он убрал иглу и вложил что-то в раскрытую ладонь кузена.

Гун Чэнь открыл глаза и обнаружил на ладони кусочек янтарной сладости.

Похоже, за те пять лет, что Сюй Цыань возился с Цин Ся, он заметно поднаторел в общении и теперь хотя бы знал, как утихомирить капризное дитя. Гун Чэнь отложил леденец и уставился на ладонь, стянутую двумя перекрещенными алыми нитями. Шов выглядел неуклюжим и кривым, но держался крепко.

«В те дни, когда я только-только стал учеником ордена, с монетами у меня было туго. Во время учебного поединка соперник в ключья разорвал мое форменное одеяние. Сгорая от стыда, я поплелся к шицзе из соседнего двора с расспросами, не согласится ли она залатать прореху, пообещав взамен целых полмесяца бегать ради нее за едой в общую трапезную».

Шицзе тогда наотрез отказалась помогать. Однако спустя пару дней сама явилась к нему и весьма настойчиво потребовала отдать ей испорченное платье. Поначалу Гун Чэнь заподозрил неладное, но девушка принялась горячо уверять его, что владеет иглой виртуозно и вещь станет краше прежней. Поддавшись на уговоры, он сдался и отдал одежду.

И каков же оказался итог? На следующий день шицзе принесла ему одеяние... совершенно новое. Именно новое, а не искусно заштопанное старое. Это ничем не отличалось от прямого подарка! Извечная подозрительность Гун Чэня тут же забила тревогу. Скрывая неловкость, он вежливо, но непреклонно отказался от щедрого подношения и настоял на том, чтобы ему вернули его собственную, потрепанную вещь.

У шицзе не оставалось выбора. Жутко смутившись, она извлекла из угла измятый сверток с явными следами неумелой починки и тихо пробормотала:

— Ну... постарайся не слишком привередничать.

— Как можно! — натянуто улыбнулся Гун Чэнь, предчувствуя недоброе. Он торопливо примерил обновку, но его правая рука намертво застряла посреди рукава, упорно отказываясь лезть наружу.

Приглядевшись, он обомлел: кто-то попросту наглухо зашил рукав изнутри! Неровные, кривые стежки из черных грубых ниток тянулись по шву, напоминая уродливую черную многоножку. Если описывать это зрелище четырьмя словами — редкое и безобразное убожество. Двумя — сущий кошмар.

Гун Чэнь потерял дар речи:

—...

Впоследствии ему пришлось во всем себя ограничивать, чтобы скопить на новую форму, а то уродство он забросил в самый дальний угол. Позже, до глубины души возмущенный этой нелепицей, он пожаловался Дуань Циню:

— Ладно бы ее просто нельзя было носить! Но ведь в кармане лежала драгоценная нефритовая

подвеска, которую я купил в подарок для шисюна. Она исчезла бесследно! Какая низость, какое бессовестное коварство!

Однако Дуань Цинь лишь обругал его за глупые наветы:

— Да ты бредишь! Наша шицзе на весь орден славится своим рукоделием, кротким нравом и изяществом. Попробуй вякнуть такое при ее обожателях — они тебя живьем в грязи утопят!

Гун Чэнь молча закатил глаза и швырнул кузену испорченное тряпье. Дуань Цинь долго разглядывал нелепые стежки. Если бы он не знал наверняка, что Гун Чэнь до смерти боится игл, он бы решил, что тот латал рукав сам в полной темноте.

В конце концов кузен выдавил лишь:

— Слухи врут.

Гун Чэнь тогда покатился со смеху.

Но сейчас, глядя на до боли знакомые кривые стежки, Гун Чэню было совсем не до смеха.

«Неужели тогда мою форму латал... он?»

Да нет, как такое вообще возможно?!

Его брови сошлись на переносице, завязавшись в тугой узел. Но если это был не Сюй Цыань, то откуда у него взялась та самая потерянная подвеска?

Разгадка лежала на поверхности, но поверить в нее казалось полным безумием.

— На сегодня закончим, — Сюй Цыань бережно отпустил его руку. — Впредь станем накладывать по одному шву в день.

Погруженный в свои мысли, Гун Чэнь даже забыл испугаться и лишь послушно, заторможенно кивнул. Сюй Цыань велел ему согреть воды для купания, бросив мимоходом, что позже они выйдут в город. Гун Чэнь соглашался со всем без лишних расспросов.

Сюй Цыань недовольно нахмурился:

— Чего ждешь? Мне тебя самому помыть?

Гун Чэнь медленно поднялся с места и побрел к купальне, но на полпути внезапно остановился. Под раздраженным взглядом Сюй Цыаня он быстро вернулся назад и склонился к сидящему юноше.

— Ты что задума... — Сюй Цыань не успел договорить: Гун Чэнь ловким движением запихнул ему в рот припасенную янтарную сладость.

Сюй Цыань застыл с забавным бугорком на щеке, на его лице отразилось крайнее изумление.

Гун Чэнь посмотрел на него и требовательно раскрыл перед ним правую ладонь.

— Что-то не так с рукой? — спросил Сюй Цыань.

Гун Чэнь качнул головой и настойчиво помахал ладонью перед его лицом. Сюй Цыань, по всей видимости, истолковал этот жест совершенно превратно. Он смущенно отвел взгляд и, перекатив конфету во рту, буркнул:

— Вместе мыться мы не будем.

Гун Чэнь мысленно вздохнул, упрямо перехватил его руку и насильно прижал к собственной груди.

— Да что с тобой такое?! — вспыхнул Сюй Цыань, но Гун Чэнь крепко держал его пальцы, не позволяя отнять руку.

Тук.

Зрачки Сюй Цыаня сузились, и он с немым изумлением воззрился на чужую грудь.

Под этим ошарашенным взглядом сердце Гун Чэня забилось еще сильнее. Он мягко улыбнулся и, прежде чем Сюй Цыань успел прийти в себя, отпустил его ладонь и опрометью бросился в купальню.

Последующие часы принесли Гун Чэню лишь разочарование. А все почему? Да потому, что Сюй Цыань наотрез отказался клевать на его приманку! Мало того — в последний момент он и вовсе передумал брать кузена с собой!

«Да почему, в конце-то концов?!»

Гун Чэнь в одиночестве катался по кровати, изнывая от досады и бессильного раздражения.

Ведь еще четверть часа назад Сюй Цыань явно собирался взять его с собой. Он даже принес чистые одежды, самолично бережно высушил его волосы и аккуратно зачесал их, собрав в прическу. Сюй Цыань впервые проявил к нему такую мягкость. И хотя Гун Чэню было непривычно столь близкое внимание, он стоял смирно, послушно опуская голову и приподнимая руки по первому требованию.

Однако перед самым выходом Сюй Цыань пристально всмотрелся в его лицо, и его брови внезапно сошлись у переносицы. Словно поддавшись какому-то невнятному раздражению, он беспокойно прошелся по комнате из угла в угол, а затем сухо отрезал:

— Оставайся здесь.

С этими словами он наложил на комнату защитный барьер и стремительно удалился, ни разу не оглянувшись.

Глубокой ночью Гун Чэнь сидел у окна, чувствуя себя брошенной девицей, которая томится в ожидании загулявшего супруга. Наконец, после сотен настойчивых мысленных призывов, его верный товарищ подал весточку о том, что все еще дышит.

«Да прекрати ты орать, — раздался в его голове сонный и измученный голос Кэ Суя. — Чего раскудахтался, как девка на выданье?»

Гун Чэнь несказанно обрадовался:

«Тебя зову, дубина! Ты вчера в какую бездну провалился?»

«Буду краток, — злобно процедил Кэ Суй. — Меня похитил твой сумасшедший кузен и притащил в Ланьчэн».

Гун Чэнь опешил от удивления:

«Чего?! Дуань Цинь тебя похитил? И вы тоже в Ланьчэне? Ну надо же, какое совпадение, я ведь тоже здесь! Обязательно нужно будет как-нибудь пересечься».

«В этом, по-твоему, суть?! — взвился Кэ Суй. — Да я тут с ума схожу! Этот придурок запер меня в комнате постоянного двора, а сам испарился в неизвестном направлении. Я маковой росинки во рту за весь день не держал!»

Гун Чэнь сочувственно причмокнул губами:

«Вряд ли он бросил тебя нарочно. Скорее всего, попал в безвыходное положение».

«С чего такие выводы?»

«Ну, это лишь догадка... Но зная его привычку не возвращать долги, смею предположить, что его поймали и заперли в подвале люди из семьи Цинь».

«...»

«И... что... мне... теперь... делать?! — буквально по слогам процедил лекарь».

Гун Чэнь ненадолго задумался и выдал дельный совет:

«А ты высоко сидишь? Может, попробуешь сигануть в окно?»

«Да нет, сущие пустяки — всего-то шестой этаж. Прекрасная мысль, прямо сейчас и прыгну».

Не успела затихнуть эта мысль, как за окном у самого лица Гун Чэня стремительно пронеслась бледная тень, летящая напрямик к земле. На мгновение его разум полностью опустел.

В следующую секунду он настежь распахнул створки, вскочил на подоконник и в панике заорал в своем сознании:

«Кэ Суй! Кэ Юаньчжэнь! Ты совсем головой повредился?! Ты что, серьезно сиганул?!»

«... Сам ты придурок, — отозвался Кэ Суй с крайним недоумением. — С чего мне прыгать? Я на месте».

«Тогда кто, мать твою, только что пролетел мимо моего окна?! Кто еще, кроме тебя, вырядился посреди ночи во все белое?!»

Едва Гун Чэнь мысленно выкрикнул это, как по его спине пронесся леденящий сквозняк, а от пальцев ног до самой макушки пробежали мурашки.

Что-то ледяное и склизкое мертвой хваткой вцепилось в его щиколотку.

Он медленно опустил взгляд.

Прямо под подоконником, цепляясь за выступ, висела женщина в белом саване. Сквозь спутанные, облепившие лицо черные волосы проступали кровавые подтеки, а сама она дико и жутко скалилась, уставившись прямо на него.

«А ты как думаешь, кто это еще может быть? — замогильным голосом отозвался Кэ Суй. — Призрак, вестимо».
